

Последний Рим

Мороз в окно скребётся, лая,
Хрустит, как сломанный калач.
Звенят над миром поцелуи,
Звенят, как рифмы наших встреч.

Была комета этим годом,
Дубы дрожали, как ольха.
Пришла любовь, за нею следом,
Как шпоры, брызнули стихи.

Куда б ни шёл, но через доли
Придёшь к любви, как в Третий Рим.
Лишь молния любви блеснула,
Уже стихом грохочет гром.

И я, бетонный и машинный,
Весь из асфальтов и желёз,
Стою, как гимназист влюблённый,
Не смея глаз поднять на вас.

Всё громче сердца скок по будням,
Как волки, губы в темноте.
Я нынче верю только бредням!
О разум!—Нам не по пути!

Уж вижу, словно сквозь деревья,
Сквозь дни—мой гроб—последний Рим,
И, коронованный любовью,
Я солнце посвящаю вам.

Московская Верона

Лежать сугроб. Сидеть заборы.
Вскочить в огне твоё окно.
И пусть я лишь шарманщик старый,
Шарманкой, сердце, пой во мне.

Полночь молчать. Хрипеть минуты.
Вдрызг пьяная тоска визжать.
Ты будь мой только подвиг сотый,
Который мне до звёзд воспеть.

Лишь вправься в медальон окошка—
И всё, что в сто пудов во мне,
Что тяжело поднять букашке,
Так незначительно слону.

Ах, губы лишь края у раны;
Их кличкой берегу твоей.
Не мне ль московская Верона
Была обещана тобой?!

Зов об окно дробится пеной
И снегом упадает вниз.
Слеза, тянись вожжей солёной,
Вожжей, упущенной из глаз.

Тобой пуст медальон окошка,
Сугроб так низок до окна,
И муравью поднять так тяжко,
Что незначительно слону.